

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПРИМЕТЫ ГОДА

ПРИРОДА в этом году самым шедра на дожди, и в иные времена это привело бы к бедствию на хлебных полях. Да и сейчас сколько глаз тревожно взирает на небо, которое сулит то здесь, то там — дождь, дождь, дождь... Весной и в начале лета это радовало, но вот лето в разгаре, лето на ущербе, а все то же: дожди!

И все же каждый день печатно сообщает о новых и новых победах на полях. Вот чудесные в своей лаконичности заголовки газетных сообщений: «Краснодарский край досрочно выполнил план хлебозаготовок», «Винницкая область... Житомирская область... Ростовская область... Тернопольская... Волынская... Ровенская... досрочно выполнили...»

Что — дожди отступили? Нет, погода не улучшилась. Что же произошло на полях? Многие, очень многие. 1958 год с небывалой уверенностью утверждает власть человека над землей. И, образно говоря, дожди действительно отступают перед могучим, наступательным порывом советского человека.

Общественные меры, принятые партией и правительством в этом году и в предыдущие годы для того, чтобы вооружить советского земледельца и морально, и материально на борьбу за высокий урожай, за обеспечение государства хлебом и всеми дарами природы. И советский земледelec не остался в долгу. О том, как в труднейших природных условиях люди социалистических полей умеют брать, завоевывать эти «дары» мы и хотим рассказать.

Для человека, не раз побывавшего в страданные дни уборки на Дону, пейзаж нынешнего года оказался бы необычным. Если вообще колорит природных степей в уборку привычно представить себе в мареве золотой дымки, то сейчас, пожалуй, потребовалась бы вся палитра живописца: акварели неба и степных прудов, янтарь бескрайних хлебных полей, изумрудная зелень лесных полос и огромных массивов кукурузы, подсолнечника, клеверники, проса, суданки... Свежий ветер в перемеченные облака как будто подчеркивают необычность разсвевшейся палитры. И все же это — конец июля, начало августа, это — страда, это дождя степь.

Признается, не без тревоги начали мы неделю две назад свой рейс по полям Запона; почти непрерывные дожди, говорили нам, угрожают уборке. Но вот уже около трех сотен километров отменил спидометр машины, но все, что увидели мы дорогой, не только не вызвало чувства тревоги, а, наоборот, пробуждало отчетливые и даже горделивые чувства.

Дождь шел повсеместно. Косынки его прорывались из туч на землю то близко, то на далеком горизонте. Но жатва торжественно поспевала. Правда, вон там, на уходящем вдали участке озимой пшеницы, умолкал гул тракторов, но уже где-то рядом он звучал с удвоенной силой. И это не просто образное выражение, а действительно так — с удвоенной силой, с точными дождями на лошадиные силы: в каждой бригаде прибывала дружина.

Дожди проходили перемеченные, полами, и уборка прекращалась на время там, где они прошли. Но тракторы с лафетными жатками и комбайнами немедленно переходили туда, где можно вести косовицу. И в этом было примечательное явление времени, которое особенно отчетливо видно здесь, на бескрайних конских просторах. Сейчас укрупненные мощные колхозы, получившие в свои руки богатейшую технику, полностью хозяйствуют на своей земле. Они могут оперативно маневрировать техникой на уборке, перебрасывать в зависимости от сложившейся обстановки, на линию уборочного фронта не только отдельные машины, но и целые отряды их. Уже они не зависят от МТС, не согласовывают маршруты, боевые задания для своих

механизаторов, а поступают так, как подсказывает им целесообразность, хозяйский расчет.

Сложность нынешней уборки на Дону, как, впрочем, и в других районах страны, заключается и в том, что на больших площадях высокостебельная пшеница с тугими колосьями полегла. Для этого колхозникам и механизаторам пришлось решать сложную агротехническую задачу: полностью убрать полегший хлеб без потерь. Задача эта во многих колхозах успешно решена по примеру машиниста жатки Федора Тимофеевича Дмитриенко. Главное, что нужно было сделать, — избежать забивания режущих ножей хедера влажной хлебной массой. Для этого Дмитриенко вынес ножи режущего аппарата жатки вперед на 60 миллиметров. Это улучшило скольжение срезаемых стеблей на полотно хедера, устранило забивание режущих ножей, позволило убрать без потерь самые тяжелые участки хлебных полей.

На полях колхоза имени Ленина мы встретились с Леонидом Гноевым — бригадиром 2-й комплексной бригады этого колхоза. Перед нами стоял, как нам показалось, очень молодой паренек. На черном от степного загара лице весело поблескивали живые, бойкие и вместе с тем хитрые и внимательные глаза. С хостским гостеприимством он указал на густые заросли лесной полосы:

— Прощу в холодок.

И вот тут-то, покуривая в тени, мы разговорились и увидели, что паренек этот не так уж молод, как показалось сначала, что он Человек бывалый. Леонид Гноевой, рассказывая о тонкостях нынешней уборочной тактики, вспоминал, разумеется, и о свободном маневрировании при нынешних дождях надо быть очень осторожными: видите вон ту прозелень в хлебах?

— Этот хлеб наш. То, что лежит в валах, считай — лежит в зарюмах. В любой погожий день обомлоти, и на автатор. А вот насчет прямого комбайнирования при нынешних дождях надо быть очень осторожными: видите вон ту прозелень в хлебах?

Прозелень мы видим. Это — сорняки, буйно растущие от обилия влаги и заглушающие хлеб. По словам Гноевого, они растут не день ото дня, а час от часу. Убирать такой хлеб комбайном становится все труднее, сорняки забивали узлы машин, часто выводили их из строя и, самое главное, увеличивали потери зерна.

Тут пришлось воевать поспешно. В Мечетинском райисполкоме нам говорили, что хлеб в валах кое-где прорастает и поэтому есть намерение «дуть команду» форсировать уборку комбайнами, хотя потери при этом действительно могли быть больше, чем при косовице лафетными жатками. Леонид Гноевой парировал эти возражения ссылкой на свой опыт.

— Прорастать-то валки еще не прорастают, но бывает, что кое-где начинают подгнивать. Так нужно не зевать, а вовремя переворачивать скошенный хлеб. И ничего с ним не случится! Повторю: хлеб в валах — хлеб в зарюмах.

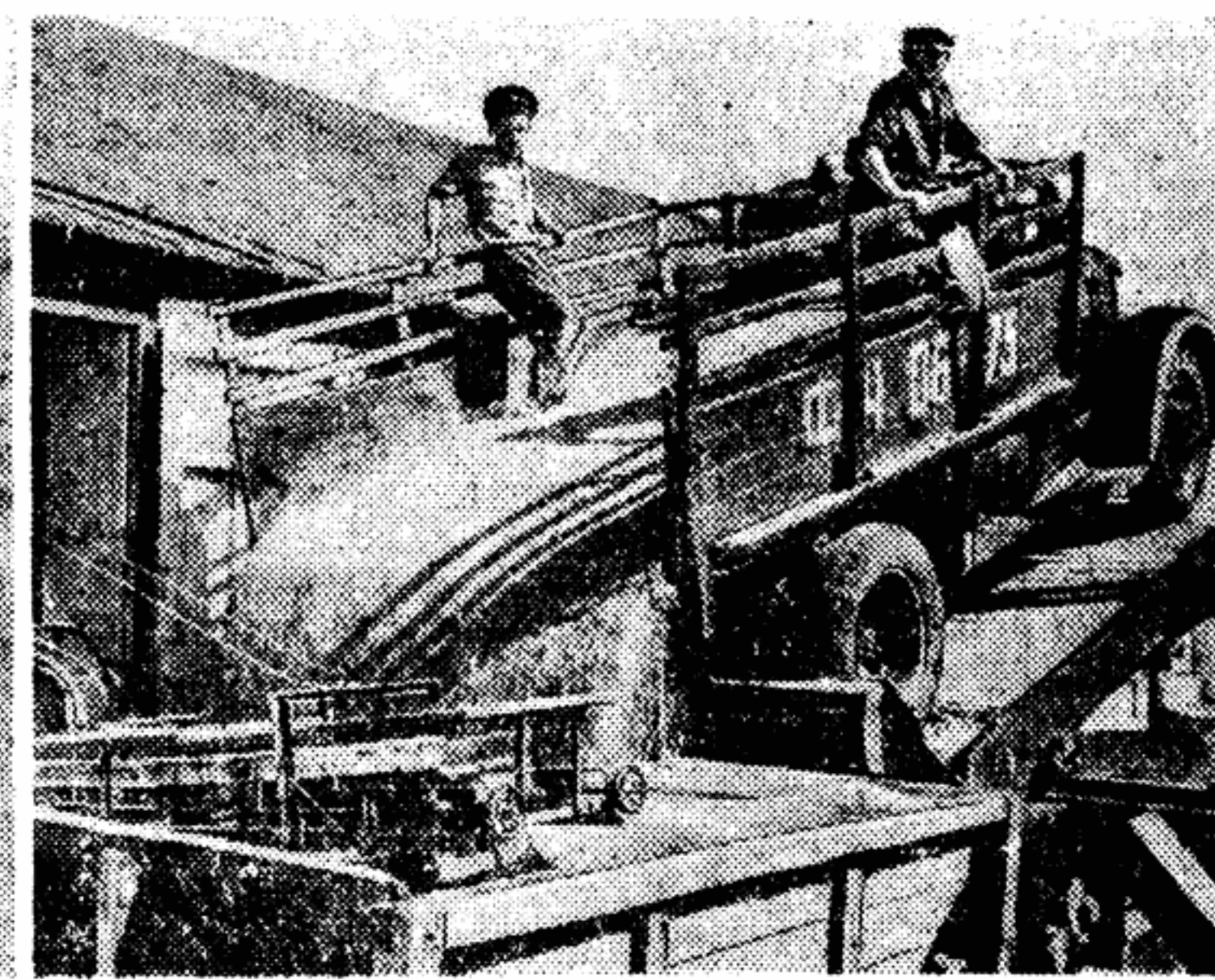
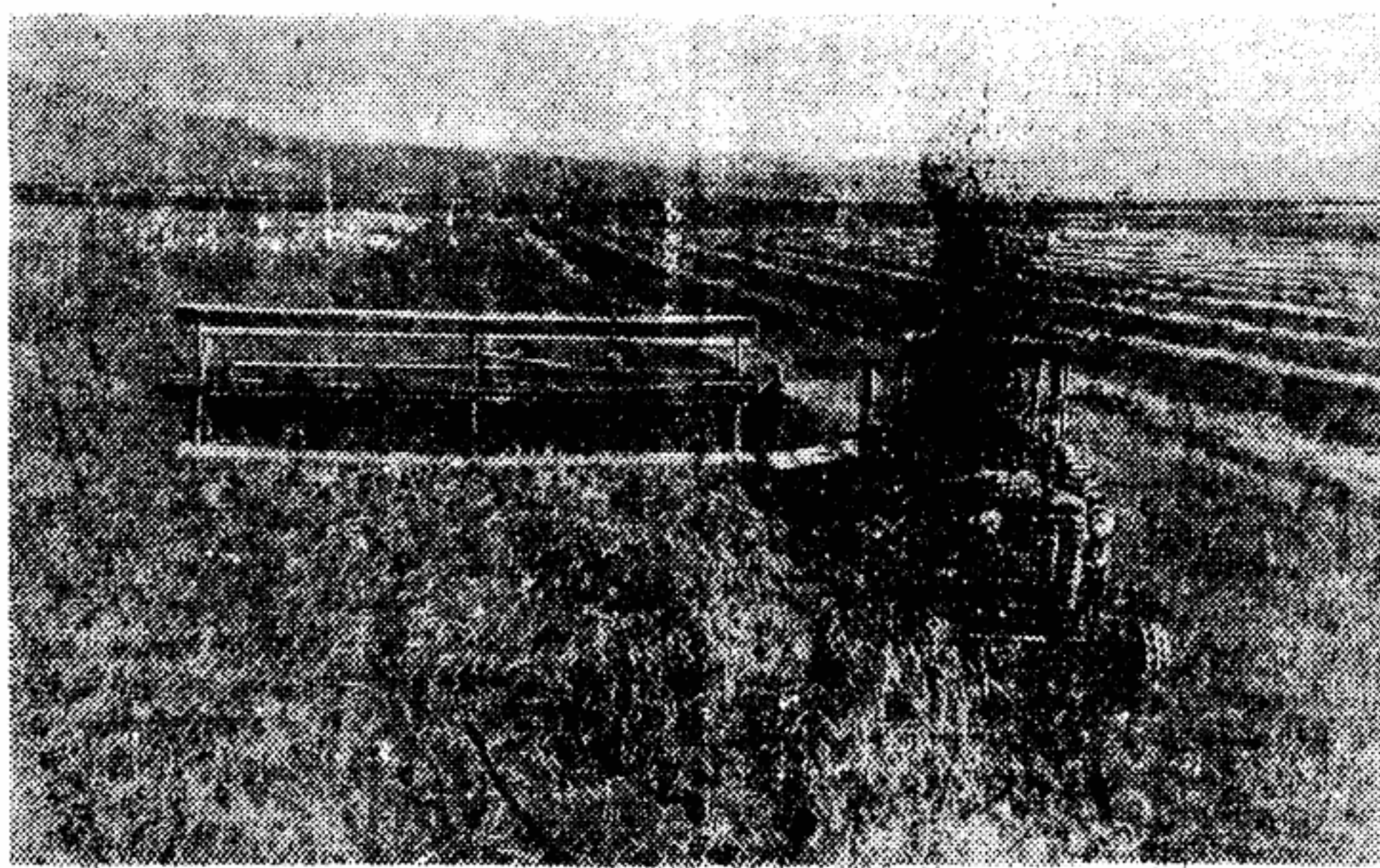
Разговор этот с Леонидом Гноевым нам запомнился сейчас потому, что, вероятно, такие споры возникают и на других полях, где сейчас уборка в разгаре, а дожди Гноевого представляются нам весьма убедительными.

После встречи с такими степниками, как он, не удивляла уже твердая уверенность, которую высказывали все люди этого колхоза, что они сдадут государству, невзирая на дожди, один миллион пудов хлеба. Не меньше — один миллион!

И они это сделали.

А. ВЕЛИЧКО,
Вл. ПОНЕДЕЛЬНИК,
специальные корреспонденты
«Литературной газеты»

Ст. Мечетинская,
Ростовская обл.

Начинается жатва на целинных землях. После уборки озимой ржи наступит очередь яровой пшеницы. Каждый республиканец выполнит план хлебозаготовок. Сверхплановое зерно предельно поступит на хлебобулочные пункты. Как и на полях, здесь в этом году максимально механизированы все трудоемкие работы.

На снимках: слева — уборка озимой ржи в колхозе имени Панфилова, Кировского района, Восточно-Казанской области. Справа — разгрузка автомашин с зерном на Лозовской базе хлебобулочных (Харьковская область).

Фото Ф. Сальникова
и Е. Андреева

Журналы в августе

«ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Журнал печатает стихи словацкого поэта Милана Лайчака и молодого английского поэта Тома Малькольма. В номере — пьеса об Алжире «Последний шанс», автор — Жорж Сориа. В подборке «Новые американские рассказы» публикуются рассказы: «Присшествие в доме номер 5 по улице М.» Джона Стейнбека, «Нужна собака-поводырь» Эрнста Хемингуэя, «Поджигатель» Уильяма Фолкера, «Быстротечная слава миссера Сей-мур» Джона О'Хара, «Какой ценной?» Роберта Боуна, «Объезжайте и сами небеса» и «Читатель «Всемирного алмазника» Уильяма Сарояна.

В номере статьи: «Критика ревизионистских взглядов Лукача» (по страницам венгерской и немецкой печати), Н. Лапырева — о новом романе Дж. Линдсея, сирийского писателя Мавехи аль Каили — о событиях в Ираке и Михаил Даяля «Наша дружба».

«ШАРК ЮДУЗИ»

В августовском номере заканчивается печатание романа Ш. Рашидова «Сильнее бури». В этом же номере продолжение двух других романов: М. Исмаили «Фергана до рассвета» и П. Кадирова «Три корня».

Ряд публикуемых произведений посвящен предстоящей конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте: поэма уйгурского поэта Розы Кадри «Курбан» — о национально-освободительной борьбе в Китае, о дружбе народов этой великой страны; рассказы турецкого писателя С. Али «Две женщины» и «Араб»; стихи корейских поэтов.

В отделе критики и библиографии — статья Г. Владимировой о творчестве писателя С. Бородина и ряд рецензий на новые книги.

«СОВЕТ ЭДЕБИЯТЪ»

Восьмой номер журнала посвящается творчеству писателей стран Азии и Африки. В разделе прозы печатаются рассказы Лоо Ши, Кришан Чандра, Орхан Кемала, Юсуф Бен Аш-Шейх Якуба. В очерке «У китайских друзей» туркменский писатель Аман Кекилов делится впечатлениями о поездке в КНР.

Поэзия прогрессивных писателей зарубежного Востока представлена творчеством поэтов Индии, Японии, Вьетнама, Ирака, Ирана, Афганистана, Мадагаскара, Конго. Переводы сделаны поэтами Туркменистана.

самбля танца Грузинской ССР и другие. Второе отделение отводится показу творчества Государственного украинского народного хора и Государственного ансамбля народного танца Союза ССР.

В обширной и разнообразной программе концертов будут исполнены наряду с произведениями русской и мировой классики произведения советских композиторов — Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна, Кабалевского, литовские народные мелодии, туркменские, узбекские и украинские танцы. Кроме уже названных артистов, выступят также И. Петров, Г. Олейничико, Р. Бейбутов и другие мастера искусства.

В период Национальных дней СССР состоятся также: большие представления труппы советского цирка; концерт Государственного симфонического оркестра СССР, который исполнит произведения Д. Шостаковича; концерт Государственного ансамбля народного танца Союза ССР; в городе Генте даст концерт Государственный украинский народный хор. Артисты союзных республик выступят 12 и 13 августа на Большой площади в Брюсселе.

В этот период организуются также широкий показ наших фильмов: в кинотеатре Советского павильона — панорамного фильма «Широка страна моя...», а по телевизионной сети павильона — художественных фильмов, дублированных на французский язык: «Высота», «Большая семья», «Неожиданная повесть», «Урок жизни», «Павел Корчагин», «Запасной игрок», «Мастера русского балета», «Ромео и Джульетта» и около тридцати документальных, научно-популярных и мультипликационных фильмов; в кинотеатре «Капитоль» пойдет фильм «Летят журавли». С 8 по 15 августа в Антверпене. Верве, Льеже, Ипре и других городах будут демонстрироваться фильмы: «Летят журавли», «Сорок первый», «Броненосец «Потемкин», «Дон-Кихот», «Верные друзья», «Арена смельчак», «Укротительница тигров», «Артисты цирка».

Советские кинофильмы будут показаны также Валлонским и Фламандским телецентрами.

Широкое ознакомление жителей Бельгии и многочисленных зарубежных туристов с достижениями многонационального советского искусства послужит великому делу укрепления мира и дружбы между народами.

Председовская трубка

Поэт и читатель

СОВЕТСКАЯ поэзия создавалась, мушкетера и кресты в годы войны и разрухи, трудовых фронтов пятилеток, новой, еще более страшной войны, великих строк коммунизма, — иными словами, в годы непрерывного горения души народа, в годы небывалых испытаний и свершений. С первых дней революции она училась разговаривать с читателем многомиллионным, и поэтому, в отличие от буржуазной поэзии Запада, становилась все более камерной, она неуклонно стремилась и продолжает стремиться к классической ясности и простоте, умению быть нужной каждому в отдельности и всем вместе.

Если проследить всю историю советской поэзии, то именно полнота чувства, глубина и жгучая современность содержания делали поэтов любимцами народа.

На одном из собраний секции поэтов московской писательской организации Александр Твардовский высказал мысль, что настоящий поэт — тот, стихи которого читают люди, обычно стихов не читающие. Эта мысль очень точна и важна для разговора, который я хочу повести в этой статье.

Говорят, что поэзию стали меньше любить. Книготорг ставит вопрос об уменьшении тиражей многих поэтических книг. Говорят, что в библиотеках мало спрашивают поэтические книги... Так ли все это? И так, и не так. Так же как и раньше, у нас не любят плохих стихов, скучных стихов, «нейтральных» стихов. Что касается библиотек, то иной раз и здесь попадают поэтические книжки, зачитанные до дыр. А то, что поэзию в библиотеках спрашивают меньше, чем хотелось бы, зависит, кроме самой поэзии, еще от двух причин: во-первых, очень многие библиотекари не подготовлены к пропаганде стихов, мало их знают и мало любят, а во-вторых, в массовых библиотеках, как правило, выдают на руки одновременно две книжки, одну научную и одну художественную, и читатель, естественно, охотнее берет томный роман, чем тонкую книжечку стихов (такую охотнее надо испривать немедленно, одним решением соответствующей организации: разрешить всем библиотечкам выдвигать на руки по три книжки: научную, беллетристическую и книгу стихов).

Это — попутные замечания, но тем не менее мне хотелось бы сделать перед тем, как заговорить о главном.

Что такое жизнестность нашей поэзии? Это прежде всего — разговор о том большом мире, который открывается перед советскими людьми, об их труде, их духовном богатстве. Советский читатель, особенно молодой, ищет в поэзии ответы на многие вопросы своей жизни, как большие, так и малые, житейские. Ищет больших чувств и мыслей, вдохновения для творческого полета, утешения в печали... Дело поэта — уметь слышать, выразить и понимать душу своего народа, неся слово партии, стать близким и необходимым народу. Следовательно, поэт обязан стремиться быть популярным у народа, быть любимым читателем, иначе он не сможет выполнять свою общественную функцию. Именно об этом, о теснейшей связи литературы и искусства с жизнью, говорил Н. С. Хрущев.

Среди других, обещая родные дела последнего времени, как известно, у нас было обещание целины и великие стройки, в частности стройки Сибири. Сергей Васильев в «Литературной газете» от 15 июля заметил, между прочим, что на эту важную тему больше других поработали В. Журавлев, А. Яшин, А. Коренев. К этому перечню можно было бы присовокупить немало других фамилий, в том числе и молодых поэтов, таких, как Г. Флоров или Г. Куренев. Если составить библиографию стихов о целине или, скажем, о строительстве в Братске, то, вероятно, это будет целая книжка. Если же мы начнем вспоминать — что по-настоящему осталось в памяти и в поэзии, то тут нам будет куда труднее. Хотя написано немало добротных стихов, но они, эти стихи, по справедливому замечанию того же С. Васильева, пока еще не стали ни поэтическим «спутником», летящим вокруг Земли, ни «атомным ледоколом», ни «ТУ-104» в нашей поэзии.

Что же среди стихов все-таки стало событием, что вызывает серьезные разговоры, споры, обилие читательских писем? Это поэма Твардовского «За далью — даль». Спорят нет, в новой поэме Твардовского есть и длинноты, и торопливые куски, в какой-то степени неизбежные, когда вещь еще в работе, когда автор пишет о только что увиденном. Но полнейшая широта осмысления жизни и значительность разговора Твардовского о нашем времени, о народной стройке, развернувшейся в Сибири, — несомненно.

А вот огромное количество напечатанных в десятках журналов и в сотнях газет стихов и полустихов, и зарифмованных заметок о целине или о Братске мало чем обогатило нашу поэзию.

Взять, к примеру, книжку Г. Куренева «Разведка боем». О том, что этот поэт не лишен способностей, говорят его стихи из раздела «Взвод разведки», стихи «Вместо оды», «О дружбе». Что же касается основного раздела «Встречи в степи», ради которого и существует книга, то это не что иное, как зарифмованные очерки, часто написанные первыми пришедшими словами...

Почему же у способного автора, сумевшего найти достоверные слова, когда он говорил о войне, последующие стихи, когда он должен был стать более зрелым и накопить какое-то мастерство, оказались гораздо слабее? Дело, видимо, в том, что поэт не сумел то новое, болевое, с чем столкнулся на целине, по-настоящему пропустить через свое сердце, не сумел почувствовать себя полнейшим участником конкретного дела народа, о котором написал книгу.

Но стихи Г. Куренева вовсе не самые плохие из написанного о целине или стройках. Многие весьма бойкие перья пишут об этом разражающе холодно и безвкусно. А разве обилие плохих стихов о дорогом и важном не отталкивает читателя от истинной поэзии? Разве оно не мешает читателю видеть героизм и красоту наших побед на целине и стройках, не превращает все великое и прекрасное в серое и неинтересное? Могут ли такие стихи послужить настоящим призывом молодежи на новые трудовые подвиги?

Не удивительно, что читатель, даже любящий поэзию, с недоверием относится к иным стихам: зачем ему читать то, что он уже читал в газетных статьях и корреспонденциях? Не удивительно, что книготорг ставит под сомнение тиражи книг...

Вспомним, что несколько лет назад было написано очень много стихов о строительстве Волго-Дона. Кто только и кто только не писал об этом строительстве! Но, к сожалению, гораздо больше было написано об экскаваторах, чем о людях, и во многих стихах главным образом хрюстел песок. А что из написанного помнится сейчас? Разве только «Учтепичу на льду» Яшина да «Море придет» Доматовского. И тогда тогда написали цикл стихов, от которого удалось лишь стихотворение «Начальник района прощается с нами», а все остальное я никогда не включал ни в одну из своих книжек. Но этот наш «волго-донской» опыт, к сожалению, не был учтен товарищами, пишущими о целине или о Братске...

А мы, писавшие о Волго-Доне, забыли опыт нашей поэзии первых пятилеток. В свое время вышла книжка Николая Дементьева «Рассказы в стихах», где было очень много стихотворений, посвященных одному из строительства первой пятилетки. Все эти стихи не остались в памяти читателя, не выдержали проверки временем. Не знаю даже, включила бы их сейчас сам Дементьев в свою книгу, если бы он был жив. Но зато его маленькая поэма «Мать» навсегда вошла в золотой фонд русской советской поэзии. А ведь там были стихи, написанные формально, но не хуже «Матери». Секрет в том, что в «Матери» автор пишет живую, полную достоверных деталей, волнующую нас жизнь старой неграмотной женщины, а через нее — прекрасную судьбу ее сына-строителя, раскрывая новый мир, возмодный им и его товарищам. Или, другими словами, он пишет здесь объективный мир нашей действительности через чувства и думы своих героев.

Такой же удивительной достоверностью дороги нам и образы «Строгой любви» Я. Смелякова. Здесь бурные годы встают перед нами во всей своей сложности и полноте, хотя поэма и невелика и говорится в ней о вещах житейских, вроде бы очень простых.

Едва ли не самая популярная в народе поэма «Василий Теркин» вся наполнена житейскими «мелочами» военного быта.

Необычайная его человеческая правдивость, точно увиденный и ярко написанный образ героя не могут не волновать читателя.

На этот опыт старших поэтов, каждый по своему, равняются молодые. Присоединяясь к тому, что писал недавно «Литературная газета» о творчестве Василия Федорова, я хочу особо подчеркнуть здесь одну сторону его работы — большую человеческую достоверность его маленьких поэм. Будь то прелед лирического героя с его неуемной и несчастной любовью или ровесник поэта, прошедший войну, — Федоров правдиво и волнующе раскрывает их внутренний мир, чувства, думы. Его поэмы прежде всего интересно читать.

Один из самых наших молодых поэтов — Евгений Евтушенко пытается всерьез говорить от имени своего поколения, не боясь острых и сложных тем, о которых он порой и сплетывается. Его стихи всегда конкретны и полны выводов, в молодую поэзию именно его поколения — пятидесятых годов. Эти его поэмы близки молодежи, нужна ей.

Простынный выжиманием в вопросах морали, борьбой за подлинную яркость в жизни, стремлением к смелости в лирике отличает творческий рост другого молодого поэта — Игоря Кобзева.

Когда издательство выпускает книжки этих и некоторых других молодых поэтов, оно обычно не встречает «тиражных» возражений со стороны книоторга. Это никого не удивляет — поэты растущие, молодые: да и тиражи у них пока не так уж велики... Вообще далеко не все тиражи поэтических книг книоторг «режет». Так, скажем, тиражи книг Твардовского, или Исаковского, или Шипачева, или Михалкова, или Симонова очень высоки. Достаточно сказать, что тираж четырехтомного собрания сочинений С. Маршала, по требованию книоторга, доведен до 300 тысяч экземпляров. И эти цифры никого не удивляют.

Но есть вещи, с точки зрения издателя, и неожиданные. Недавно председатель правления издательства «Советский писатель» Н. Лесюченко с удивлением спросил меня: почему Книоторг потребовал увеличения тиража книги стихов Николая Доризо до 75 тысяч экземпляров? Я задумался над этим и начал вспоминать все, что сделал Н. Доризо.

Читательская популярность молодого поэта началась со «Стухов о сыне», вызвавших много писем после того, как они, несколько лет назад, были напечатаны в «Литературной газете» и с его лирических песен, посвященных главным образом «житейским» вопросам: «По-мнись, мама!», «Его я видеть не должна» и др.

По повову этих песен Е. Доматовский опубликовал Доризо («День поэзии», 1956 г.) в том, что он, «видимо, хочет любыми средствами проникнуть в сердце читателя». Конечно, средства средства рознь. И нельзя в принципе не согласиться с Доматовским, что если какой-либо поэт прибегает в помощи или играет на низких чувствах, — это заслуживает суровой критики. К сожалению, такое у нас в поэзии порой встречается. Для примера можно привести хотя бы некую «Незнающую книгу». Она претенциозна, начиная от названия и авторского вступления: «Земля! Позволь мне лечь строем в твою неназванную могилу». Оформлена же она следующим образом: сверху голубой суперобложки изображено желтое солнце, на котором написано: «Андрей Кленов», а вокруг белые лепестки ромашки, с голубыми названиями разных стихов. Причем два лепестка уже оторваны («любим — не любить») и на одном из них написано: «Еще о разлуке» и «Резвием», а на другом: «Стихи о разлуке» и «Три года разлуки». Это — последнее заглавие в читателе. Здесь отсутствуют и вкус, и чувство меры, и скромность. Удивительно, что такая книга вышла в «Советском писателе». Можно было бы привести и другие примеры пошлости, но не это тема статьи.

Вначале я писал, что советский поэт должен уметь чувствовать, выражать и поднимать душу читателя. Если с этой мерой пойдешь к творчеству Доризо, выдержишь ли он такую проверку? Или поэт, действительно, гонится за дешевым успехом?

Не стану говорить о последних работах Доризо — поэме «Это слово у тебя одно!» или «Стихах о голом короле», свидетельствующих о возмужании поэта. (Омонимиче на 3-й стр.)

Смотреть со всесоюзной вышки!

Поэты и читатели

ВЕСЛИ ли Андрей Упит, Мухтар Ауэзов, Максим Рыльский, Епископ Чаренц...

Н. Шамоты «О художественности», исследования И. Эльсбергера о сатире, работу Ю. Борса...

о творческой практике писателей братских советских народов. Читатель был бы благодарен автору...

Вернемся к его песням. Вот, скажем, «Помнишь, мама моя, как девчонку чужую я привел тебе в дочку...

та: «Сталинградский театр», «Пришедшим с войны» и некоторые другие. Это были стихи человека с пылающим сердцем...

своей темой, с большим жизненным материалом, обращающиеся прежде всего к сегодняшнему человеку.

Вот, например, вышедший недавно коллективный труд по многообластному заголовку: «Проблемы теории литературы».

Между тем у нас издается немало трудов, претендующих на общесоюзное обобщение, но написанных без учета явлений и фактов нашей богатой многонациональной литературы.

Относительно недавно в издании «Советского писателя» вновь вышла коллективная работа «О писательском труде». Сборник открывает предисловием издательства, в котором сказано, что в нем участвуют писатели разных поколений...

И если молодой поэт полон внимания к человеческим чувствам, к сложности, возникающим в личной жизни советского человека, к столкновению этого личного с общественным, можно ли его осуждать, как это фактически сделал Долматовский?

Надо объявить решительную войну рыбе, нейтральной, холодной поэзии, превращающей огромную тему времени в пустопорожнюю риторику или загроможденную газетную заметку.

Редчайший случай: молодой поэт прислал нам три стихотворения — и все печатаются в сборнике. Все три написаны по-своему, интересны по деталям и говорят об истинности дарования.

Отсюда ясны задачи в обобщении и пропаганде творческого опыта национальных литератур. Этот опыт опровергает клеветнические измышления наших врагов, будто советская литература, сдвигаясь по своей идейной направленности, тождественна и во всем остальном...

Как видим, лицо советской прозы нынче во многом определяется произведениями украинской, прибалтийской и других национальных литератур. Тот, кто хотел бы изучать, скажем, прозу малой формы — рассказ, новеллу, не мог бы пройти сейчас мимо творчества белорусских писателей.

Во многих обобщающих книгах, обзорных, стихах обходит творчество национальных авторов, обходит по разным причинам, и чаще всего — по незнанию положения дел. Но подобная причина вряд ли может считаться уважительной.

Такие для читателя никогда не окажутся «малозначительными». Ему очень дорога в поэзии «житейская» линия с ее большими обобщениями, с ее злободневностью и деталями.

Разговор о поэзии, начатый в «Председельской трибуне», имеет особое значение для воспитания тех талантливых людей, которые только входят в литературу.

Убежден, что таких уголков, где много настоящих, преданнейших любителей советской поэзии, у нас в стране немало. Как важно нам, поэтам, теснее связаться с нашими друзьями в этих уголках!

Литература социалистического реализма и единая — по принципам эстетического освоения действительности, и многообразна — по творческому облику, формам, стилям, манерам, писательским почеркам.

Кто бы всевозвездно отнесся к труду, скажем, по поэзии, если бы в нем не анализировались мудрые и прозорливые стихи армянина Египсе Чаренца? Как можно трактовать проблемы драматургии, минуя пьесы украинца А. Корнейчука?

Пора отгрезить от подобной практики. Те или иные явления литературы и искусства следует обобщать на богатом и разностороннем опыте художников всего многонационального Советского Союза.

Неудачи или падение популярности некоторых наших поэтов часто идут именно оттого, что поэт отрывается от конкретно-художественного участия в повседневных делах своих читателей.

Интересно отметить, что очень многие из стихов принадлежат перу людей, имена которых отнюдь не стали еще привычными для поэтических критиков.

Убежден, что таких уголков, где много настоящих, преданнейших любителей советской поэзии, у нас в стране немало. Как важно нам, поэтам, теснее связаться с нашими друзьями в этих уголках!

В последнее время у нас появляются литературоведческие работы, в которых анализируются произведения представителей братских республик. Укажу хотя бы на недавно вышедший солидный труд К. Зеленикова «Литература народов СССР».

В последнее время у нас появляются литературоведческие работы, в которых анализируются произведения представителей братских республик. Укажу хотя бы на недавно вышедший солидный труд К. Зеленикова «Литература народов СССР».

Возьмем, к примеру, работы по эстетике. В книге А. Дремлова «О художественном образе» рассматриваются многие важные вопросы литературы, анализирующие специфические особенности искусства, раскрываются некоторые стороны творческой лаборатории писателя.

Наблюдение Беллинского, по существу, коснулось одной из важнейших закономерностей искусства: как бы ни был автор близок своему герою, — они никогда не тождественны.

Важно отметить, что очень многие из стихов принадлежат перу людей, имена которых отнюдь не стали еще привычными для поэтических критиков.

Убежден, что таких уголков, где много настоящих, преданнейших любителей советской поэзии, у нас в стране немало. Как важно нам, поэтам, теснее связаться с нашими друзьями в этих уголках!

Уважаемые товарищи! 6 марта сего года «Литературная газета» опубликовала статью Ю. Чирвы «Душ золотые россыпи...».

Возьмем, к примеру, работы по эстетике. В книге А. Дремлова «О художественном образе» рассматриваются многие важные вопросы литературы, анализирующие специфические особенности искусства, раскрываются некоторые стороны творческой лаборатории писателя.

Возьмем, к примеру, работы по эстетике. В книге А. Дремлова «О художественном образе» рассматриваются многие важные вопросы литературы, анализирующие специфические особенности искусства, раскрываются некоторые стороны творческой лаборатории писателя.

Возьмем, к примеру, работы по эстетике. В книге А. Дремлова «О художественном образе» рассматриваются многие важные вопросы литературы, анализирующие специфические особенности искусства, раскрываются некоторые стороны творческой лаборатории писателя.

Возьмем, к примеру, работы по эстетике. В книге А. Дремлова «О художественном образе» рассматриваются многие важные вопросы литературы, анализирующие специфические особенности искусства, раскрываются некоторые стороны творческой лаборатории писателя.

Возьмем, к примеру, работы по эстетике. В книге А. Дремлова «О художественном образе» рассматриваются многие важные вопросы литературы, анализирующие специфические особенности искусства, раскрываются некоторые стороны творческой лаборатории писателя.

РЕПЛИКА КРИТИКУ

Уважаемые товарищи! 6 марта сего года «Литературная газета» опубликовала статью Ю. Чирвы «Душ золотые россыпи...».

Уважаемые товарищи! 6 марта сего года «Литературная газета» опубликовала статью Ю. Чирвы «Душ золотые россыпи...».

Уважаемые товарищи! 6 марта сего года «Литературная газета» опубликовала статью Ю. Чирвы «Душ золотые россыпи...».

Уважаемые товарищи! 6 марта сего года «Литературная газета» опубликовала статью Ю. Чирвы «Душ золотые россыпи...».

Уважаемые товарищи! 6 марта сего года «Литературная газета» опубликовала статью Ю. Чирвы «Душ золотые россыпи...».

Уважаемые товарищи! 6 марта сего года «Литературная газета» опубликовала статью Ю. Чирвы «Душ золотые россыпи...».

НАРОДЫ НЕ ПОЗВОЛЯТ ИМПЕРИАЛИСТАМ БЕЗНАКАЗАННО ТВОРИТЬ ЧЕРНЫЕ ДЕЛА!

ВЫСАДКА АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК В ЛИВАНЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Рисунок художника Темперел из индийской газеты «Фри пресс джорнал»

Агрессоры разоблачены

В ЭТИ ДНИ в разных уголках земного шара — от Москвы до Мельбурна — люди разных возрастов и политических убеждений, различных профессий и склонностей с тревогой и надеждой развешивают по утрам газеты. Может быть, есть хорошие вести о совещании на высоком уровне, о той самой встрече, которая способна предотвратить угрозу войны, положить конец агрессии США и Англии на Ближнем Востоке?

Миллионы людей не ждали покороно итогов перемирия между главами правительств пяти держав. Они настоятельно выражали свою волю: совещание должно состояться; страстно и горячо поддерживали миролюбивые предложения, сделанные Н. С. Хрущевым в первые же дни возникновения по вине западных держав ближневосточного кризиса.

Однако те, кто несет ответственность за политику США и Англии, не посчитались и не хотят считаться с реальным положением вещей в мире, с бурным ростом национально-освободительных движений на Ближнем Востоке, с волей народов. Совещание на высоком уровне для безоговорочного разрешения опасной ситуации, сложившейся на Ближнем Востоке, сорвано. И сорвано по вине западных держав. Сложные ухищрения, уловки и ловушки, бесчестные махинации, обмен общественным мнением — таков арсенал средств, которыми пользовались виновники агрессии.

Методы эти не новые и не оригинальные. Они известны еще по суровым дням американской агрессии в Корее. Тогда государственный департамент тоже пытался использовать Организацию Объединенных Наций как ширму для американской агрессии.

В дни нынешнего кризиса на Ближнем Востоке американская пропаганда уверяет, что Советский Союз нарушает Устав ООН. Это бесовская ложь. Советское правительство в первые же дни агрессии США и Англии против арабских стран внесло в Совет Безопасности предложение о выводе войск интервентов из Ливана и Иордании и о созыве чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по этому вопросу. Но именно США, Англия и ряд других стран, входящих в нынешний состав Совета Безопасности, помешали принять решение, способное нормализовать положение на Ближнем Востоке. Правительство США дало приказ своим войскам совершить вторжение в Ливан в обход Совета Безопасности, поставив тем самым его перед свершившимся фактом. Каждому непредубежденному человеку ясно, что в нынешнем виде Совет Безопасности под давлением США превратился в некий комитет стран, входящих в НАТО, Багдадский пакт и СЕАТО.

Не удивительно, что Н. С. Хрущев в своем послании главам правительств трех западных держав подчеркнул, что практическое подчинение Совета Безопасности внешней политике США подрывает его возможность принимать действенные меры в защиту мира и к пресечению агрессии, убавляет его эффективность как инструмента мира.

Попытки правящих кругов США отвести от себя обвинения в агрессии на Ближнем Востоке, приду-

Свидетельство буржуазного журналиста

Седрик БЕЛФРЕДЖ, американский публицист

ДЖОН О'КИРНИ принадлежит к тем немногочисленным американским журналистам, которые стремятся писать честно. В свое время в качестве постоянного корреспондента газеты «Нью-Йорк дейли ньюс» он рассказал правду о положении на Тайване. В 1957 году О'Кирни совершил длительную поездку по странам Ближнего Востока — не за счет редакции, а на свой страх и риск. О'Кирни отправился в эту поездку и в течение пяти месяцев пытался выяснить положение в этой части света.

Результатом поездки О'Кирни была книга, вышедшая в прошлом году в Лондоне.

На Ближнем Востоке он беседовал с крестьянами, политиками, журналистами, врачами, рабочими и дипломатами. Простые люди охотно рассказывали о «борьбе за национальную независимость, за свою землю».

В Иордании, пишет автор, король Хусейн, «рыцарь заветов западного мира», доулил «первый приз Вашингтона» в размере 10 миллионов долларов за одержанную под его руководством «победу феодальной гнета и феодальной агитации». Для О'Кирни стало очевидным, что марionеточный режим, утвердившийся при помощи доллара, покоится на бочке с порохом. События, происшедшие сейчас в Иордании, полностью подтвердили мнение О'Кирни.

В разгар «сирийского кризиса», когда Сирия стремилась покончить с феодализмом и бороться за осуществление своих законных прав, О'Кирни не встретил ни в Иордании, ни в Ливане ни одного человека, который верил бы в то, что Сирия угрожает этим странам. О'Кирни побывал в лагерях арабских беженцев на границе с Ираком. Эти посещения привели его к выводу, что политика Вашингтона, выкачивающего деньги из американских налогоплательщиков для того, чтобы вооружить Ирака и его соседей, — это «сплошнейшее безумие». Разлагая мир, Вашингтон делает все, чтобы сделать войну не только возможной, но и неотвратимой. С этой целью, чтобы подпитать арабский национализм, и используется «доктрина Эйзенхауэра». Один арабский дипломат рассказал О'Кирни: «Когда я пытаюсь говорить об этом со многими американцами, они занимают позицию, сводящуюся к тому, что всякий, кто не придерживается американской точки зрения, — коммунист. А политическая слепота — плохой советчик».

В Багдаде чиновник, занимавший весьма высокий пост, в беседе с О'Кирни провел параллель между полицейским режимом Нури Саида и режимом Чап Кай-ши. В иракских правящих кругах царил ворушество, в то время как «в стране из десяти детей — трое умирали при рождении». «Американцы только ухудшили положение: американское оружие, американские методы обеспечения внутренней безопасности, американская мафия антикоммунизма обеспечили

John O'Kearyne «Red Mirages», Macgibbon and Kee, London, 1957 227 pp.

безопасность для одной лишь тирании». Этот чиновник, сравнивая британский империализм с американским, сказал, что если первый напоминает «героя» арабской сказки, который грабил могилы, то второй похож на его сына, который к тому же еще и оксвернул тела усопших.

Уволенный со своей должности правительством Нури Саида иракский профессор на вопрос О'Кирни о коммунизме ответил: «Дело не в коммунизме. Люди и без русской подсказки видят, что им нечего есть». В трущобах Багдада голый, покрытый грязью ребенок втепился в одежку О'Кирни. Он «молча уставился на меня», — пишет О'Кирни, — красными воспаленными глазами, открыл рот и болезненно дергал головой. Вокруг рождался тысячу мух. Десятки тысяч людей жаживо сгнивали в этом смердящем хлеву, расклеванном нахальными лучами солнца, в грязи, среди жалкого тряпья, в то время как Нури Саид и его родственники, занимавшие высокие посты, «ра-

ботали для будущего», наслаждаясь уточненным комфортом: шелка, установки для кондиционирования воздуха и т. д.»

С беспощадной иронией О'Кирни пишет об истории свержения американскими агентами режима Мосаддыка при помощи полкупа и подстроенной ими кампании против «красной опасности».

Ливанские правители (речь идет о правительстве Шамуна), по словам О'Кирни, это — агенты-провокаторы западных держав, выступающие против устремлений арабского национализма, «школа шпионов» Запада. Во время «сирийского кризиса», по словам автора книги, стало очевидно, что «большинство ливанцев, как христиан, так и мусульман, стоит за отказ от сотрудничества с Западом и за тесные связи с Египтом и Сирией на основе «позитивного нейтралитета». Ливанские правители поставляли Западу жалкие антисоветские сообщения. Однако ливанский народ знал, что это — явная выдумка.

В заключение автор пишет: «Когда Америка провозглашает на весь мир политическую банальность, народы Ближнего Востока, требующие хлеба, освобождения от феодализма, добивающиеся единства, устранения парализующей угрозы, внимают Америке, нетерпеливо нахмурив брови, подобно тому, как человек, из вежливости позволивший собеседнику различить себя, выслушивает совершенно бесвязный и плоский анекдот».

Простые люди на Ближнем Востоке, продолжает автор, ознакомились с разглазовавшимися Деллеса о советском империализме, «думают, что они попали в сумасшедший дом». Когда вице-президент Никсон изрекает: «По существу, мы стоим на стороне свободы, справедливости и религии против сил рабства, беззакония и атеистического материализма», ему следует поискать сочувственных слушателей где-нибудь в другом месте».

Материалы, собранные О'Кирни на Ближнем Востоке, не были напечатаны ни в одной западной газете. Книгу удалось издать лишь в Англии.

Книга О'Кирни особенно актуальна сейчас, хотя и написана она год назад. Свидетельства О'Кирни, буржуазного журналиста, помогают понять многие из происходящего в наши дни.

Лондон, август

Этот тезис был ярко проиллюстрирован отношением зрителя к фильмам, представленным на фестивале. В частности, огромный успех имели две японские картины, одна из которых, наряду с «Тихим Доном», получила премию «Хрустальный глобус фестиваля».

Что привлекло в этих двух японских работах? Первый фильм «Сводные братья» поразил блистательной точностью воспроизведения жизни, где фигура главного героя, убежденного до трагической слепоты японского милитариста, открывается зрителю в самых своих сокровенных глубинах истоков. Другой фильм — «Семеро забытых» с суровой откровенностью показывает все горе и страдания забытых на маленьком клочке земли семерых подростков-рабов и такую страшную безысходность жизни их нищих хозяев — японских рыбаков, что фильм вызывает у каждого зрителя горькие слезы сочувствия, открывает ему трагедию целого класса, вынужденного жить звериной жизнью.

Сильное впечатление также оставил фильм немецких документалистов супругов Торндайк, известный по картине «Это не должно повториться». Они показали на фестивале свою новую работу «Операция Тевтонский рейд». Это документальная киноповесть о карьере гитлеровского генерала Шейделя, ныне занимающего, как известно, пост командующего сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе. Фильм этот также получил одну из главных премий фестиваля.

Мы с гордостью можем сказать, что единый восторг вызвало новое выступление Максими Штрауха в роли В. И. Ленина в фильме С. Ютневича «Рассказы о Ленине». Эта превосходная актерская работа стала как эталонная для оценки актерских достижений, которых на фестивале было немало. Премия за лучшую женскую роль была присуждена индийской артистке Наргис в фильме «Мать Индия».

Третий премией, полученной советской делегацией, была премия за мультипликацию режиссера Ваню «В некотором царстве».

Таковы результаты фестиваля делового советского киноискусства. И хотя они были достаточно почетными, мы увозили с фестиваля двойственное чувство: с «вольной трибуны» все мы говорили о значении современной темы для развития киноискусства, а показанные картины, обращенные к истории, обращенные к героическому и возвышенному, во все же к прошлому нашей Родины. Убежден, что с этой мыслью покинул Карловы Вары каждый из участников фестиваля.

Я думаю, что эти размышления и есть самый главный результат фестиваля. Каждый из нас увозил не только впечатления, но и замыслы. Замыслы о своем современном в кругу той гигантской борьбы, которая не стихает вокруг нас, как и в каждом дне и часом. После этой встречи мы увезли уверенность, что нас, единомышленников, не так уж мало, что силы наши не так уж слабы и что нам предстоит на экранах мира выступить великие сражения, в которых мы призваны побеждать во что бы то ни стало.

КАРЛОВЫ ВАРЫ

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»
Выражаем нашу глубокую благодарность всем организациям и друзьям, потрудившимся на подготовку этого номера. Любимого мужа и отца Михаила Михайловича Зощенко и приславшим нам свои соболезнования.

Семья ЗОЩЕНКО

И. о. главного редактора В. ДРУЗИН.
Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБИЧКОВ, В. СОЛЮХИН.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Ленинград). Телефоны: секретаря — К 4-04-62, разд.: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-03-48, отделе: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммугатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б-04079

Они пережили Хиросиму и Нагасаки

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД, 6 августа 1945 года, атомная бомба взорвалась над Хиросимой, разрушив огромный японский город.

Десятки тысяч людей за минуты превратились в лодки скелеты или просто исчезли, подобно тому неизвестному, чей силуэт, словно на фотопленке, запечатлелся на каменных ступенях Банка Сумито о.

Оставшиеся в живых знали, что они были атакованы каким-то новым страшным оружием, но никто в Японии тогда еще не представлял себе размеров его разрушительного действия.

Свидетели атомной бомбардировки Хиросимы, уцелевшие и уехавшие в другие города, подверглись подробным и склепическим расспросам. Одним из них был Тэцумо Ямагучи, инженер-кораблестроитель, эвдвший в Хиросиму по делам службы. Когда утром 9 августа он вернулся и себе в Нагасаки, его левая рука и голова были забинтованы.

Товарищи по работе обступили его, чтобы услышать от очевидца рассказ об ужасной катастрофе, постигшей Хиросиму.

Когда Ямагучи сказал, что Хиросиму разрушила лишь одна бомба, его нехлещки иронически усмехнулись.

«Это не укладывается в рамки здравого смысла», — сказал он. — Вы же инженер, произведите же простой расчет! Разве у одной бомбы может быть

запас энергии, достаточный для разрушения целого города?

Он посмотрел на повзрослевших Ямагучи. — Вы были ранены, господин Ямагучи, — добавив он более мягко. — Может быть, вы лишились чувств...

«В то время, как он это говорил», — рассказывал впоследствии Ямагучи, — нас ослепила вспышка! Я бросился под стол, мой шев — за мной... Столы и стулья разлетелись, а мой турник повиснул с потолка и рухнул на землю...»

Тэцумо Ямагучи, один из девяти человек, которые избежали смерти в Хиросиме, затем снова испытал ужасы атомной бомбардировки в Нагасаки. Судьба этих людей посвящена книге Роберта Трамбулла «Деять человек, переживших Хиросиму и Нагасаки».

В книге нет вымысла. Все, что в ней рассказано, — правда, страшная, волнующая, захватывающая история: это не должно повториться!

Кто же эти девять японцев, которых через много лет после войны сумел разыскать автор книги? Они — люди самых мирных профессий: бухгалтер, доктор, мастер по изготовлению бумажных змеев и три его помощника, издатель газеты, два инженера. Война отняла у них родных и близких, кров и

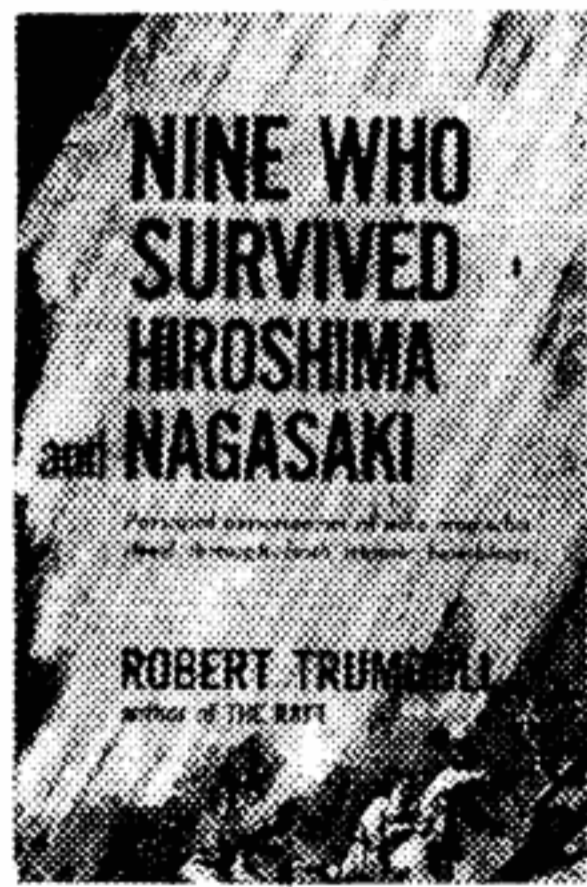
здоровье. Лишь случайно удалось им избежать гибели. Им, вероятно, было тяжело вернуться старое, но они не отказались рассказать обо всем журналисту, ибо их, простых людей, волнует судьба мира.

Сигееси Морimoto, один из девяти, говорит: «Я с радостью рассказываю обо всем этом в надежде, что это поможет всему миру понять: атомная бомба больше никогда не должна быть брошена».

Роберт Трамбулл, добросовестно рассказав о том, что пережили герои его книги, интересно и выразительно описал их жизненный путь. Автор как бы говорит: «Вот жили люди, такие же, как и мы с вами, работали, любили, отдыхали на берегу своего Японского моря, но пришла война и уничтожила людей и города».

«Двадцатилетний и й Хирата служил бухгалтером. Война помешала ему жениться, и только демо-билизавшись по болезни из армии, он, наконец, соединился с любимой девушкой».

Автор просто описывает их скромное, искреннее счастье. Но как недолго оно длилось! Появился самолет со страшной бомбой, «вспышка белого пламени, ослепляющая и обжигающая мозг, затем — страшное сотрясение и ударная волна с таким грохотом, словно весь

мир разваливается на куски... Случайно уцелевший Хирата бродит по городу, превращенному в пустыню, в поисках молодой жены. Но повсюду он находит лишь прах, и дым дегоразющих развалил застилает его небо... Не следует, однако, думать, что автор стремился лишь описать страдания, не высказывая своего к ним отношения. Книгу, подобную этой, мст написать лишь человек, озабоченный будущим мира, — например, Хиросими и Нагасаки, — говорит Трамбулл, — я хочу дать представление о том, какой будет война для простого человека в любой части земного шара».

В наши дни, когда западные державы, несмотря на благородный пример Советского Союза, упорно продолжают вредоносные испытания ядерного оружия, книга о жертвах Хиросимы и Нагасаки звучит — хотел того автор или не хотел — как обвинение бесчеловечной и вечной практики империалистической войны с таким грохотом, словно весь

Э. Б.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Ленинград). Телефоны: секретаря — К 4-04-62, разд.: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-03-48, отделе: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммугатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б-04079